

УДК 81:26+81'22

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/7

Славянские языки в славянофильской концепции «идеального народного языка» (на материале публицистических текстов И.С. Аксакова)

О.О. Секиро

Институт лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН)

Россия, 199004, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

E-mail: olgasekiro@yandex.ru

Авторское резюме

Представлены результаты анализа лексико-фразеологических средств различных славянских языков (русского, церковнославянского, украинского, польского) в публицистических текстах И.С. Аксакова, употребление которых обусловлено выражением лингвистических взглядов автора, а именно славянофильской концепцией «идеального народного языка». В соответствии с этой концепцией литературный язык славянских народов православного вероисповедания представляет собой церковнославянско-русское единство на основе синтеза древних и современных, светских и религиозных речевых элементов. «Идеальный народный язык» служит средством выражения и формирования общего духовно-религиозного и общественно-политического «организма» этих народов. Вследствие такой установки создание украинского литературного языка и экспансия польского языка в западных губерниях Российской империи оценивались славянофилами негативно, рассматривались как средство разрушения социально-политической и религиозной общности православных славян на территории Российской империи. Исследование проведено на материале публицистических текстов И.С. Аксакова, благодаря деятельности которого славянофильство трансформировалось в общественно-политическую позицию, обращённую к широкому кругу читателей. Материалом исследования являются два цикла очерков выбранного автора, посвящённых «славянскому» и «польскому» вопросам – наиболее значимым для внутренней политики Российской империи аспектам

национальной проблематики в XIX столетии. В статье представлены результаты изучения семантического и стилистического своеобразие речевых средств, воплощавших концепцию «идеального народного языка» в публицистических текстах И.С. Аксакова. К ним относятся, во-первых, «стилистические славянизмы» (книжно-славянская лексика, в том числе архаическая относительно узуса XIX в., «неославянизмы», некоторые архаические лексико-фразеологические средства русского происхождения, функционально близкие славянизмам, фразеологические средства и цитатный материал из Священного Писания); во-вторых, лексика русского происхождения с конкретной семантикой, просторечные, разговорные, некоторые областные слова, а также фразеологические и функционально близкие им паремические средства. Также анализируются особенности употребления вкраплений из украинского и польского языков, используемые автором при репрезентации «чужого слова» в ходе полемики с идеологическими оппонентами. Исследование завершается выводами о книжном характере «идеального народного языка» в славянофильском понимании, предполагавшем ограниченное использование лексико-фразеологических средств конкретной семантики, разговорного и просторечного характера, а также функциональную ограниченность вкраплений из украинского и польского языков.

Ключевые слова: русский язык XIX в., публицистика XIX в., историческая стилистика, иноязычные вкрапления, польский язык, украинский язык, церковнославянский язык, славянофильство, И.С. Аксаков

Slavic languages in the Slavophile concept of the “ideal folk language” (based on Ivan S. Aksakov’s opinion journalism)

Olga O. Sekiro

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (ILS RAS)

9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199004, Russia

Email: olgasekiro@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the vocabulary and phraseology of various Slavic languages (Russian, Church Slavonic, Polish, and Ukrainian) in the journalistic texts of Ivan S. Aksakov, whose linguistic choices reflect

his ideological commitment to the concept of an “ideal folk language” (*ideál'nyy národnyy yazýk*). According to this concept, the standard language of Orthodox Slavic nations constitutes a Russian–Church Slavonic unity based on a synthesis of ancient and modern, secular and religious elements. The ideal folk language was understood by the Slavophiles not only as an expression of the common spiritual and political identity of Slavic peoples but also as a means of actively shaping it. Consequently, they viewed both the creation of a separate Ukrainian literary language and the expansion of Polish in the western provinces of the Russian Empire as threats to the sociopolitical and religious unity of Orthodox Slavs. This study draws on Aksakov's journalistic writings, which played a key role in transforming Slavophilism into a broader sociopolitical movement aimed at a wide readership. The primary material consists of two series of essays focusing on the “Slavic question” and the “Polish question” – topics central to imperial national policy in the 19th century. The article examines the semantic and stylistic characteristics of linguistic devices that embody the ideal folk language in Aksakov's writings. These include, firstly, “stylistic Slavonicisms” – bookish and Church Slavonic vocabulary (including forms archaic for the 19th century), neologisms built on Slavonic models, archaic Russian lexis and phraseology functionally analogous to Slavonicisms, as well as biblical and liturgical quotations; secondly, Russian-origin vocabulary with concrete semantics, including colloquial, vernacular, and dialectal elements, alongside phraseological units and paroemiological material (e.g., proverbs) serving similar rhetorical functions. The analysis also covers Aksakov's use of Ukrainian and Polish inclusions, which serve to represent “another's word” (*chuzhoe slovo*) in polemics with ideological opponents. The article concludes with findings on the bookish character of the “ideal folk language” in the Slavophile understanding, which presumed a limited use of lexical and phraseological means with concrete semantics, of a colloquial and vernacular nature, as well as the functional limitations of inclusions from Ukrainian and Polish.

Keywords: the 19th-century Russian language, the 19th-century journalism, historical stylistics, foreign inclusions, Polish, Ukrainian, Church Slavonic, Slavophilism, Ivan S. Aksakov

Введение

Одним из наиболее злободневных в европейской (в том числе российской) общественно-политической жизни XIX в. был национальный вопрос, отдельными аспектами которого являлись «славянский» и «польский» вопросы. На европейской карте возник ряд новых го-

сударств, ставших предметом борьбы за политическое, культурное влияние крупных империй, таких как Российская или Австро-Венгерская. События, связанные с культурно-духовным, языковым, общественно-политическим развитием славянских народов (Польское восстание в 1860-х гг., борьба балканских славян за независимость от Турции, политика Австро-Венгрии в отношении славянского населения, развитие литературных языков славянских народов (например, украинского)), занимали едва ли не центральное место в европейской политической истории XIX в. Поэтому на страницах различных газет, журналов, издававшихся в том числе в Российской империи, велась активная полемика по данным вопросам, разворачивались дискуссии о путях развития славянских народов.

Славянофильская концепция «идеального народного языка» в аспекте влияния на стиль

Исследователи отмечают зависимость семантики лексико-фразеологических средств от их идеологического осмысления в русском литературном языке начиная с 1840-х гг., а также определяющий характер культурно-идеологической позиции авторов, принадлежащих к различным идеологическим направлениям [4: 15; 12: 180]. Как следствие, лексико-фразеологические средства, с помощью которых освещались «славянский» и «польский» вопросы, различались по составу и семантике в текстах представителей различных политических взглядов. Одним из ведущих общественно-политических направлений, формировавших идеологический климат эпохи 1840–1880-х гг. в Российской империи, было славянофильство. Авторы, придерживающиеся этих взглядов, уделяли большое внимание проблематике, связанной с социально-политическим, культурным развитием славянских народов. Заслуга трансформации славянофильства в общественно-политическую позицию в форме публицистики принадлежала И.С. Аксакову – автору, способствовавшему сохранению и распространению теоретических идей предшественников [5: 529; 11: 168]. На страницах своих изданий Аксаков применял славянофильские идеи к решению общественно-политических вопросов (в том числе национальному), поэтому циклы его очерков о «славянском» и «польском» вопросах [1; 2] выбраны в качестве материала исследования.

Специфика славянофильского понимания национальной проблематики, связанной с развитием славянских народов, заключалась прежде всего в языковом аспекте. Реализация идей славянофильства в журналистской практике И.С. Аксакова была обусловлена его взглядом на язык как на *средство формирования закономерного*

общественно-политического, духовно-культурного развития славян как единого «организма» [3: 45]. Этот взгляд отражался в концепции «идеального народного языка». Славянофилы, разрабатывавшие проблемы языка (включая К.С. Аксакова и И.С. Аксакова, развивавшего идеи старшего брата), понимали «идеальный народный язык» как ориентированный на языковую практику допетровской Руси синтез древнего и современного, светского и религиозного, церковнославянского и русского, единый во времени и пространстве [12: 28–29]. «Идеальный народный язык», по их мысли, являлся средством формирования общественно-политической, духовной деятельности славянских народов на основе «синтеза» современных и существующих в древности культурных, языковых, политических форм. Свою литературную деятельность славянофилы воспринимали как попытку создания такого языка [6: 10].

Рассматривая «идеальный народный язык» как литературный язык всех православных славян, славянофилы отрицательно относились к попыткам создания украинского литературного языка, отличного от русского. Развивая идеи о языке как средстве создания общности, И.С. Аксаков отмечал: «Москвичи и Малоруссы, дружно и братски обнявшись, стремились [до 50-х гг. XIX в.] к одной цели, слагали общие усилия, дабы единым путем, широким братским союзом, *всей* [выделено автором. – О.С.] Русской землей подвигать свое общее отечество к исполнению его мирового исторического призвания, к высшему просвещению, к познанию самого себя, к проявлению в силе всех сокровищ народного духа, таящегося во всех разнообразиях Русского племени... А возможно ли это без высшего выражения духовного единства – единого литературного языка? Разве высшее развитие призвано не обобщать, а рознить? Не поглощать провинциализмы, а укреплять их?» [2: 603]. Поддерживая описание и изучение малороссийского фольклора [11], славянофилы рассматривали украинский язык, прежде всего, как язык устного общения, используемый в народной, этнически единой среде: И.С. Аксаков характеризует его как «малороссийский крестьянский говор» [2: 608].

Этот язык, по мнению славянофилов, не обладал полифункциональностью как важным качеством литературных языков. По словам Аксакова, «русский язык зандобится Славянам в области высшей, там где деятельность по преимуществу сопровождается мышлением и самосознанием, и где самая мысль возлетает выше потребностей... семейства и кружка» [1: 161]. Кроме того, в создании украинского литературного языка авторы этого направления видели средство разрушения духовно-культурного и социально-политического единства русских, украинцев и белорусов, существовавшего издревле. Такое

разрушение, с точки зрения славянофилов, было выгодно польскому католическому населению западных губерний, но не соответствовало потребностям православных славян на этих территориях, а также в Галиции. Признавая онтологический характер слова, рассматривая его как средство формирования определённого духовного и политического опыта, славянофилы критически относились к широкому использованию польского языка среди православного населения западных губерний Российской империи. Они видели в этом средство вовлечения православных славян в пространство католической польской культуры, средство польской культурно-религиозной и социально-политической экспансии.

Поскольку в публицистике использование языковых средств направлено на выражение авторской точки зрения, а также убеждение в ней читателя [8: 3], мы рассмотрим особенности употребления лексико-фразеологических средств различных славянских языков, во-первых, выражающих точку зрения автора, во-вторых, использование которых обусловлено полемикой Аксакова с идеологическими оппонентами.

Семантическое и стилистическое своеобразие лексико-фразеологических средств славянских языков

Среди лексико-фразеологических средств, выражающих точку зрения И.С. Аксакова на «идеальный народный язык», можно выделить: славянизмы, в том числе архаические относительно нормы XIX в. (*возблистание, смиренномудрие, зиждитель, славолюбие, ввергнуть, восхотеть, предаяние, поревновать, воздеть, двема господином, пламы, воздыхать, потребить* ‘уничтожить’ и др.), «неославянизмы» (т. е. образования по славянским моделям: *соисповедник, препобеждаться, восстраждать* и др.), а также некоторые функционально близкие им лексико-фразеологические средства русского происхождения (*вор* ‘изменник’, *смысл* ‘разум’, *древле-русский, находник, самим промышлять о себе, вера папешская, опускать очи долу* и др.). Рассматривая церковнославянский язык как живой источник выразительных средств, Аксаков широко использует фразеологические средства и цитаты из Священного Писания, молитв, что было нетипично для узуса XIX в. (*слова лукавствия, ввести во искушение, изыдем на дело и делание свое до вечера, имей мя отреченна, претерпевые до конца* и др.).

Употребление перечисленных лексико-фразеологических средств, являющихся средством создания «идеального народного языка», характеризуется следующей спецификой. Как правило, у церковнославянских лексико-фразеологических средств совмещаются элементы

значения, обозначающие явления общественно-политической и религиозной сфер, что отражает своеобразие их использования на фоне узуса XIX в. Исследователи отмечают секуляризацию церковнославянской лексики, обозначение с её помощью общественных идеалов, т. е. употребление в общественно-политических или иронических осмыслениях [7; 9]. Совмещение указанных компонентов семантики слов, с одной стороны, выражало мысль публициста о духовно-религиозных причинах противостояния православных славян полякам и туркам, с другой – служило средством выражения авторской этической оценки, формируя положительное отношение читателя к борьбе православных славян за независимость, сохранение ими культурно-религиозной, социально-политической самостоятельности:

*Къ турецкому азіатскому произволу присоединяется еще ложь европейско-либеральных формъ, макиавеллическая система **духовнаго растльнія**, досель неизвѣстная Туркамъ и преподанная имъ ихъ западными друзьями, – **соблазны** латинской и даже протестантской пропаганды. <...> Православнымъ остается **самимъ промышлять о себѣ** (по выраженію древнихъ русскихъ грамотъ), и домогаться правды войною... Какой безконечный рядъ **обезчещенныхъ женъ, поруганныхъ дѣвицъ, осрамленныхъ юношей, мучениковъ и жертвъ турецкой алчности и разврата** представляет исторія... на христіанскомъ Востоку! [1: 157].*

Ее [Россию] **сокрушить**, ослабить можемъ только мы, держа ее насильственно въ невѣжество, въ духотъ и нѣмотъ; ей опаснѣе войны – миръ и мирныя **козни**; ей страшнѣе только одинъ врагъ – **внутренній, свой, домашній, оплетающій** ее хитрою **стѣею нравственнаго соблазна и лжепросвещенія**. Народной Руси вреднѣе всего – наше **отступничество** отъ Русской народности, наше ненародное общество и все то, что поистинѣ можетъ назваться «Русляндіей» и «Русляндцами» [2: 75]

За то всѣ они **подвижники** славянскаго **духа**, **труженики** науки и мысли, крѣпкіе **стоятели** за свою народную самостоятельность, **выдержавшіе** **години** страшныхъ **испытаній**... не поддавшіеся ни страху, ни **соблазну**, – и среди всѣхъ **страданій** и **искушеній**, оставленные богачами и знатными своего племени... не утратившіе **вѣры** въ историческое призваніе Славянства, **претерпѣвые до конца!** [1: 149].

При освещении польского вопроса этот приём является также средством создания исторических параллелей с эпохой смутного времени:

Оно [польское дворянство], не задумываясь, объявляетъ, что **въковая** историческая **тяжба** двухъ народностей, что сложный, громадный вопрос о политическихъ правахъ Русскаго православнаго насе-

ления и ополяченного, окатоличенного туземного общества на **древле-Русскія земли, о вѣковой борьбѣ** двухъ разныхъ просвѣтительныхъ началъ и разныхъ соціально-политическихъ тенденцій, – этотъ трудный, мучительный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ... административнымъ порядкомъ! [2: 18].

Таким образом, «стилистические славянизмы» несут в публицистике И.С. Аксакова основную концептуальную нагрузку.

Как средство выражения «народного языка» в обоих циклах очерков Аксаков использует также русские общеупотребительные (**торчать, добрызгивать**), просторечные, разговорные слова конкретной семантики, имеющие экспрессивное звучание (**площадь, кляча, прямѣхонько, передрыга, объедки, клочки**), областную лексику (**начин, помога, стомчивый, охочий, опростаться, блажной, срамной**), речевые средства, тяготеющие к народно-разговорной сфере (**смирным-смирно, встал-поднялся (мужик), судить и рядить** и др.), просторечные и фразеологические единицы (**петь Лазаря, вбивать клин, сбить с толку, выступить из берегов** и др.) и паремические средства (**на нет и суда нет, прикладывать к шубе да ещё шубу, в чужом пиру похмелье, с грехом пополам, не мытьём, так катаньем, у страха глаза велики** и др.).

Лексико-фразеологические средства конкретной семантики, а также разговорные, просторечные областные речевые средства способствуют усилению образности за счёт актуализации элементов прямых и переносных значений (в том числе иных элементов контекста):

*Петербургская печать увѣряетъ изъ всѣхъ силъ, что въ польской литературѣ чуть ли уже не сильною струей бьетъ новое, примирительное, по отношенію къ Россіи, направленіе... Не знаем; эта струя до насъ почти не **добрызгиваетъ**, вѣроятно потому, что слишкомъ слаба* [1: 635].

Чѣмъ же вразумиться? Что же рекомендуется намъ для руководства въ будущемъ, что. Однимъ словомъ, **читается въ строкахъ и между строкъ** приведенной нами выше цитаты [из «Северо-германской всеобщей газеты»]? [1: 529].

Слова перечисленных групп способствует приобретению новых семантических оттенков иных элементов контекста. Например, во фрагменте 7 использование слова **блажной** способствует ироническому осмыслению книжно-славянского слова **ублажить**:

*Полякамъ пришлось бы пенять на себя самихъ, а не на Россію, которая этимъ способомъ [проведениемъ сейма] избавилась бы отъ лишнихъ хлопотъ: придумывать и догадываться – чѣмъ бы **ублажить блажную** Польскую націю! [2: 64].*

Перечисленные средства используются в публицистике как средство воздействия на читателя, его убеждения благодаря образности, экспрессивности:

Все дипломатическое искусство именно и состоитъ въ томъ, чтобы безъ войны добиться тѣхъ результатовъ, которые достигаются войною – а для этого первое условіе: не пугаться войны, ибо у страха глаза и уши велики, и не пить постоянно и предъ всѣми дипломатическаго Лазаря [1: 586].

Автор регулярно употребляет их в текстообразующих развернутых метафорах, в том числе народно-поэтического характера:

Вся ея [Австрии] историческая миссія, какъ ее понимаютъ австрійскіе государственные люди и германскій канцлеръ, – обезнародить Славянъ, обратить ихъ въ матеріаль для европейской германо-романской культуры, всосать ихъ въ тощеe германское тѣло, утучнить ими нѣмецкую плоть [1: 353].

Насталь, казалось, послѣдній часъ для Русскаго государства, – все сверху расшаталось и разрушилось вплоть до самыхъ низинъ; тогда съ этихъ низинъ всталъ-поднялся мужикъ, взялъ дѣло въ свои мужицкія руки, побилъ польскія рати, прогналъ Поляков и «своихъ воровъ», воздвигъ съизнова царство, поставилъ царя, – и снова ушелъ въ низины тянуть свою историческую ляжку [2: 571].

В некоторых контекстах просторечную лексику сопровождает языковая рефлексия, указывающая на то, что она не является частью литературного языка. Можно констатировать, что публицист использует её ограниченно:

Къ счастью, прокуроръ военно-окружнаго суда неопровержимо, кажется, доказалъ, что «анархисты» только примазались [выделено автором. – О.С.], такъ-сказать, къ этому движенію [еврейским погромам] уже въ послѣдствіи [2: 717].

Лексико-фразеологические средства перечисленных групп выполняют в большей степени воздействующую функцию, а также способствуют смысловым приращениям слов, несущих концептуальную нагрузку.

Среди лексико-фразеологических средств, использование которых обусловлено полемикой с идеологическими оппонентами по языковым вопросам, можно отметить, во-первых, вкрапления из украинского литературного языка (*пхати, обвиновачувати, розвой, щирый, месцевой, ворог, жовтень, москаль, мова, український, просвета*¹ и др.). Они используются для репрезентации «чужого» слова, с которым полемизирует Аксаков, являвшийся противником создания украинского литературного языка. Оппонентами публициста выступали, во-первых, сторонники либеральных взглядов, федеративного

устройства России из числа русской интеллигенции, во-вторых, польские авторы и публицисты газеты «Дело», издаваемой во Львове на украинском языке. В своих очерках И.С. Аксаков вводит взгляды оппонентов, выраженные украинизмами, используя приём языковой рефлексии – имплицитной (графически) или эксплицитной (с помощью развёрнутых метатекстовых высказываний):

*Что бы ни говорило «Дѣло» на своемъ уродливомъ языкѣ, будто мы напрасно позволяемъ себѣ «обвинювачувати и засуджувати» цѣлые 18 милліоновъ Русиновъ» въ солидарности съ польскими и разными революціонными замыслами, что эти 18 милліоновъ желаютъ только **розвоя** своей особой литературы, **просвѣты** и т.д., что мы принадлежимъ к **ворогамъ**, которые **пхають** державу (т. е. нашу Россію) на «непригодный путь», но оно говоритъ неискренно. Не мы **пхаемъ**, а «Дѣло», партія федералистовъ и Поляки **пхають** Русскую державу на путь неприродный, неисторический и ведущий к гибели [2: 608].*

*Взамѣнь этого направленія [русского направления в Галиции, направленного на использование русского литературного языка, возвращение к православному вероисповеданию] Австрія всѣми силами готова поддерживать **розвой мѣсцевой литературы** [выделено автором. – О.С.] и федеративную похоть. «Дѣло» можетъ служить образцомъ такого **розвоя** [выделено автором. – О.С.] [2: 610].*

В приведённых контекстах интерес представляет стилистический контраст между украинизмами и отвлечённой лексикой русского литературного языка. Создаются условия для восприятия читателем украинских слов как разговорных, не являющихся средствами адекватного описания таких абстрактных явлений, как *просвещение*, *развитие* и др. В результате такие слова приобретают негативные коннотации, выражающие мысль автора об ошибочности номинации с их помощью. Эти семантические оттенки обусловлены славянофильской мыслью о соответствии языка описываемым явлениям, онтологическом характере слова [3: 45].

Аксаков использует вкрапления из украинского языка и с целью выражения иронии; при этом также происходит уничтожение идеологического смысла слова, сформировавшегося в словоупотреблении идеологических оппонентов. Интерес представляет фрагмент 14, включающий как лексико-фразеологические средства *смысл* (в архаическом значении 'разум', а также в сочетании с прилагательным *короткий*), так и *бессмыслица*, *попасться в сети*, являющиеся средствами создания «идеального народного языка». Как средства языковой игры они способствуют стилистическому снижению слова *щирый*, которое употреблялось оппонентами Аксакова с положительной оценкой:

Нашъ **ширый** украинофилъ [автор брошюры Тарас Воля] очевидно попался въ польскія сѣти и запутался въ нихъ своимъ короткимъ смысломъ до совершенной безсмыслицы [2: 487].

В очерках, посвящённых «польскому вопросу», Аксаков употребляет вкрапления из польского языка, полонизмы **гонор,хлопоман,граби и грабини, ржонд, быдло, (польска) справа, конгрессувка, польщизна, змертвы-встанцы** и др. В отличие от вкраплений из украинского языка, употребляемых в полемических целях при выражении несогласия с идеологическими оппонентами, вкрапления из польского Аксаков использует преимущественно в характерологических целях, описывая социально-политические реалии Царства Польского (в том числе периода Польского восстания 1863–1864 гг.), польскую религиозную и политическую экспансию в западных губерниях Российской империи:

Не отнимъ внѣшнимъ насиліемъ обуздываль Государь Николай **польщизну** въ западныхъ губерніяхъ. Не было недостатка и въ раціональныхъ органическихъ мѣрахъ [2: 654].

Трудно судить издали о дѣйствіяхъ духовенства, но нельзя не взять во вниманіе его законныхъ опасеній – упустить изъ своихъ рукъ народное образованіе въ виду лже-патріотовъ, лже-любителей Украинской народности, **хлопомановъ** и всевозможныхъ Польскихъ и іезуитскихъ интриг, которымъ... помогаютъ иногда и Русскіе [2: 153].

Трудовые деньги русскихъ крестьянъ, потомъ и кровью добытые, шли, путемъ также вполне легальнымъ, на пользу бунта, на **польскій ржондъ**. На заведеніе жандармовъ-въшальщиковъ и кинжальщиковъ [2: 537].

В некоторых контекстах Аксаков использует вкрапления из польского языка в полемических целях. Например, во фрагменте (18) слова **граби** и **грабини** вследствие звуковой ассоциации со словом *грабить* формируют единый смысловой ряд со словами *просьба* и *домогательство*. Признак ‘грабеж’, который ложится в основу номинации данных вкраплений, формирует негативное отношения читателя к польской аристократии в Западном крае:

Рѣдкій начальникъ и въ особенности начальница въ Западномъ краѣ могли устоять противъ ежедневнаго натиска Польскихъ просьбъ и домогательствъ. Предъявляемыхъ панами – **грабями и грабинами** – большею частью на Французскомъ языкѣ, съ пріемами настоящихъ Европейцевъ [2: 110].

Во фрагменте (19) звуковая аттракция между вкраплением **справа**, обозначающим ‘вопрос’, и словом русского происхождения *расправа*, формирует смысловую связь между ними, вследствие чего *расправа* приобретает дополнительный семантический оттенок ‘решение вопроса’:

Современная Польская «справа» очевидно зависит не от одной только военной расправы... Нашъ врагъ – самый сильный и злой – все Польское общество; опасны намъ не повстанцы, а Польское знамя! [2: 187].

Заключение

Концептуальная нагрузка на церковнославянские слова демонстрирует преимущественно книжный характер «народного языка» в славянофильской концепции – и это несмотря на то, что она разрабатывалась славянофилами в рамках тенденции к демократизации в русском литературном языке 1840–1860-х гг. Использование разговорных, общеупотребительных, просторечных и областных слов, а также фразеологических единиц было обусловлено как общими процессами развития словарного состава (демократизацией), так и задачами автора-публициста, связанными с воздействием на читателя благодаря их экспрессивности, обусловленной наглядностью. Употребление данной лексики способствует актуализации элементов прямого значения иных элементов контекста, их смысловым приращениям. Поэтому лексико-фразеологические средства, составлявшие «идеальный народный язык» как церковнославянско-русское единство, выполняют в публицистических текстах И.С. Аксакова функцию как информирования читателя, так и воздействия на него.

Несмотря на то что вкрапления из украинского и польского языков в публицистике Аксакова играют роль «чужого слова», они в ряде примеров вступают в смысловые связи с иными элементами контекста. В результате звуковых ассоциаций с некоторыми словами русского литературного языка у таких вкраплений формируются семантические оттенки по принципу соответствия «формы» «содержанию», которые ложатся в основу номинации. Ввиду иронического использования, а также стилистического контраста со словами русского литературного языка вкрапления из польского и украинского языков приобретают стилистически сниженный характер или семантический признак 'ошибочности номинации'. Таким образом уничтожается идеологический смысл, сформировавшийся в речевой практике идеологических оппонентов автора. Можно утверждать, что полемика с идеологическими оппонентами ведётся Аксаковым с позиций славянофильского онтологического понимания слова, которое отражается в приобретении семантических и стилистических особенностей иноязычных вкраплений в его текстах.

Примечание

1. Рассматриваемые слова из украинского языка, а также из польского (см. далее) являются частичными иноязычными вкраплениями [10: 24–25]: например, И.С. Аксаков употребляет слово *просвіта* в огласовке *просвьѣта*, характерной для русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1: Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878 гг. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 791 с.

2. Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3: Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 844 с.

3. Безлепкин Н.И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 272 с.

4. Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М.: Высшая школа, 1974. 192 с.

5. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М.: Нов. лит. обозрение, 2019. 704 с.

6. Вихрова Н.Н. Литературно-эстетическая программа газеты «День» // «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. С. 9–38.

7. Замкова В.В. «Славянизм» как термин стилистики // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: К 80-летию С.Г. Бархударова. М.: Наука, 1974. С. 162–171.

8. Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое исследование современных газетных жанров): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 44 с.

9. Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М.: Наука, 1988. 231 с.

10. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. 142 с.

11. Тесля А.А. Последний из «отцов»: Биография И.С. Аксакова. М.: Владимир Даль, 2015. 799 с.

12. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

REFERENCES

1. Aksakov, I.S. (1886a) *Sobranie sochineniy v 7 t.* [Collected Works in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: M.G. Volchaninov.
2. Aksakov, I.S. (1886b) *Sobranie sochineniy v 7 t.* [Collected Works in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov.
3. Bezlepkin, N.I. (2002) *Filosofiya yazyka v Rossii: K istorii russkoy lingvofilosofii* [Philosophy of Language in Russia: To the History of the Russian Linguistic Philosophy]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
4. Belchikov, Yu.A. (1974) *Russkiy literaturnyy yazyk vo vtoroy polovine XIX veka* [The Russian Standard Language in the 2nd half of 19th century]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Valickij, A.V. (2019) *V krugu konservativnoy utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of the Russian Slavophilism]. Translated from Polish by K. Dushenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Vikhrova, N.N. (2017) Literaturno-esteticheskaya programma gazety "Den" [Literary and aesthetic program of the newspaper "Den"]. In: Vikhrova, N.N., Dmitriev, A.P. & Egorov, B.F. (eds) *"Den" I.S. Aksakova: Istoriya slavyanofil'skoy gazety: Issledovaniya. Materialy. Postateynaya rospis'* [Ivan S. Aksakov's "Den": History of the Slavophile newspaper: Research. Materials. Article-by-article listing]. Vol. 1. St. Petersburg: Rostok. pp. 9–38.
7. Zamkova, V.V. (1974) "Slavyanizm" kak termin stilistiki ["Slavicism" as a stylistic term]. In: Filin, F.P. et al. (eds) *Voprosy istoricheskoy leksikologii i leksikografii vostochnoslavyanskikh yazykov: K 80-letiyu S.G. Barkhudarova* [Questions of Historical Lexicology and Lexicography of East Slavic Languages: On the 80th Anniversary of S.G. Barkhudarov]. Moscow: Nauka. pp. 162–171.
8. Kayda, L.G. (1991) *Avtorskaya pozitsiya v publitsistike (funktsional'no-stilisticheskoye issledovaniye sovremennykh gazetnykh zhanrov)* [The author's perspective in journalism (functional and stylistic study of modern newspaper genres)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
9. Koporskaya, E.S. (1988) *Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni* [Semantic history of Slavisms in the Russian literary language of modern times]. Moscow: Nauka.
10. Listrova-Pravda, Yu.T. (1986) *Otbor i upotrebleniye inoyazychnykh vkrapleniy v russkoy literaturnoy rechi XIX veka* [Selection and usage of foreign inclusions in the Russian standard speech of the 19th century]. Voronezh: VSU.
11. Teslya, A.A. (2015) *Posledniy iz "ottsov": Biografiya I.S. Aksakova* [The last of "fathers": Ivan S. Aksakov's biography]. Moscow: Vladimir Dal'.
12. Uspenskiy, B.A. (1994) *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Outline of the History of the Russian Standard Language (11th – 19th Centuries)]. Moscow: Gnozis.

13. Chapaeva, L.G. (2008) Kul'turno-yazykovaya situatsiya 30–40-kh godov XIX v. i spory slavyanofilov i zapadnikov [The cultural-linguistic situation of the 1830s – 1840s and the struggle of Slavic and Western writers]. *Kul'turologiya*. 2(45). pp. 25–33.

Секиро Ольга Олеговна – аспирант, младший научный сотрудник словарного сектора Института лингвистических исследований РАН (Россия).

Olga O. Sekiro – Institute for Linguistic Studies of RAS (Russia).

E-mail: olgasekiro@yandex.ru